

жаловался на свою участь, не ропталъ, старался не показать, что ему трудно, всѣхъ благодарилъ за вниманіе, чрезъ меня всѣхъ просилъ „не оставитъ его въ святыхъ молитвахъ, не оставитъ безъ попеченія его сиротъ“. Нельзя было безъ слезъ слышать предсмертное сознательное прощаніе даже постороннимъ. Итакъ до конца перетерпѣвъ, безъ тѣни ропота онъ отошелъ ко Господу! Да будетъ воля Господня! А теперь мы у его гроба. Гдѣ же его дорогая мать, братья, сестра, почему нѣтъ ихъ у гроба? Бѣдная мать! Она, узнавъ о смерти дорогого сына, спѣшить съ другимъ сыномъ отдать ему послѣдній долгъ, увидеть его въ послѣдній разъ.. Но не суждено и этому сбыться: она не увидитъ его... могила скроетъ его... Но память о немъ останется въ народѣ: не забудутъ его ученики его, съ благодарностью вспоминать будутъ его жители „Новой Казанки“, поднесшіе ему на прощаніе дорогую икону св. Николая, помянутъ его добрымъ словомъ и вѣвочки, будутъ поминать какъ добраго пастыря и жители села Батаевки! Да будетъ покойному о. Ѳеодору вѣчная память! Онъ былъ почитательнымъ сыномъ, дорогимъ братомъ, внимательнымъ къ нуждамъ родныхъ, любящимъ супругомъ, прекраснымъ семьяниномъ, радѣтельнымъ отцомъ, истиннымъ пастыремъ своихъ овецъ... Будемъ же по просьбѣ покойнаго молиться о немъ, да почтетъ Господь труды и служеніе его для народа, да упокоитъ его Господь въ своихъ обителяхъ за перенесенныя имъ безропотно скорби и страданія и да услышитъ онъ гласъ Господа: „рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего“ (Мѣ. 25, 21 ст.).

Прочувствованная рѣчь сопровождалась рыданіями присутствующихъ и не было ни одного человѣка, который не отеръ бы слезу. Началось умиленное отпѣваніе по особому чину съ пѣніемъ тропарей, стихирь, канона „Волною морскою“. Заупокойное пѣніе хора содѣйствовало молитвенному настроенію. Послѣ шестой пѣсни канона священникъ Вячеславъ Соллертинскій сказалъ у гроба слѣдующее краткое слово.

„Дорогой собратъ нашъ, о. Ѳеодоръ!

Позволь и мнѣ сказать нѣсколько надгробныхъ словъ. О постигшей тебя тяжелой болѣзни я узналъ наканунѣ твоей смерти, такъ что

не судилъ мнѣ Господь побывать у твоего болѣзненнаго одра и услышать отъ тебя послѣднія твои чувствованія и желанія.

Не красна была жизнь твоя въ санѣ пастырскомъ: Господь рано послалъ тебѣ испытаніе отнятіемъ совѣтницы въ пастырскихъ заботахъ, утѣшительницы въ скорбныхъ житейскихъ обстоятельствахъ въ лицѣ твоей супруги. Ты въ молодыхъ лѣтахъ остался вдовцомъ. А кому изъ насъ, братіе, неизвѣстно, какова доля священника во вдовствѣ! Тутъ всякій считаетъ себя въ правѣ бросить камень упрека на его нравственную жизнь. Но не могу сказать этого о тебѣ, дорогой собратъ. Ты являлъ намъ, твоимъ собратьямъ, образецъ терпѣнія въ перенесеніи постигшаго тебя ига; паства твоя — увидѣла въ тебѣ пастыря, подающаго образъ вѣрнымъ словомъ, житіемъ, вѣрою, чистотою (1 Тимоѳ. 4 гл. 12 ст.). Ты не былъ человѣкомъ свѣта, а въ тиши созидалъ спасеніе свое и паствы; ты здраво смотрѣлъ на жизнь христіанина, священника — въ особености, не подавая повода къ злорѣчю. Твоя мысль, выражаясь церковною пѣснью, „вся суета человѣческая, елика не прибываютъ по смерти: не прибываетъ богатство, ни сшествуетъ слава, пришедши бо смерти, сія вся потребишася“ (Стихир. на погреб. свящ.). Отдавая послѣдній долгъ пѣлованія, отъ лица твоего прошу всѣхъ и молю, помолитесь объ усопшемъ рабѣ Божіемъ новопреставленномъ іереѣ Ѳеодорѣ, да вселитъ Господь душу его въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и въздыханія“.

Послѣ отпѣванія, при пѣніи канона „Помощникъ и покровитель“, священнослужители подняли гробъ и понесли на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Похоронили о. Ѳеодора въ оградѣ Михаило-Архангельской церкви. Толпа народа не сразу разошлась. Слышны были отзвѣвы: „покойный былъ хорошій батюшка“, изъ батаевцевъ говорили: „не дождаться намъ такого хорошаго священника“; отзвѣвъ былъ всѣхъ: „духовные умѣютъ хоронить своихъ духовныхъ“.

Священникъ *Петръ Діаконовъ*.